

Сазонов Сергей Дмитриевич

**Бурная весна (Преображение
России - 10)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С14

С14 **Сазонов Сергей Дмитриевич**
Бурная весна (Преображение России - 10) / Сазонов Сергей Дмитриевич – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 162 с.

ISBN 978-5-4241-1940-8

ISBN 978-5-4241-1940-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Сергеев-Ценский Сергей
Бурная весна (Преображение
России - 10)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Преображение России

Эпопея

Бурная весна

Роман

Содержание

Глава первая - В пути на фронт

Глава вторая - Генерал Брусилов

Глава третья - Новый полк

Глава четвертая - Сопровождение в ставку

Глава пятая - Начальник дивизии

Глава шестая - Предвестники

Глава седьмая - Началось!

Глава восьмая - Перед новым штурмом

Глава девятая - Штурм

Глава десятая - Отзвуки прорыва

Глава одиннадцатая - Река Иква

Примечания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ПУТИ НА ФРОНТ

I

Лучился и сиял широкий южный день конца марта 1916 года.

Погромыхая на стыках рельсов, добросовестно пыхтя локомотивом, однако не слишком спеша, двигался на запад пассажирский поезд, почти целиком из красных вагонов "четвертого" класса.

В купе единственного желтого вагона было тесно, - все шесть мест заняты, и довольно густо стояли в проходе, - поезд был переполнен. Машинист вел его в расположение одной из армий Юго-западного фронта, главнокомандующим которого незадолго перед тем был назначен на место генерала-от-артиллерии Иванова генерал-от-кавалерии Брусилов.

Так как все пассажиры в купе были офицеры, то вполне естественно, что разговор между ними шел именно об этом: ведь у каждого из них была та гнетущая неизвестность, в которой вершителем судеб в большой мере являлся главнокомандующий, позади же болезненно ныла одна только обидная горечь военных неудач.

Но все эти неудачи свалились на Россию благодаря кому же? - Это был острый и большой вопрос. Его решали везде в мире и везде в самой России, где хоть сколько-нибудь работала мысль; пытались решать его и здесь, в насквозь прокуренном, синем от дыма, несмотря на открытое окно, купе.

Старшим по чину оказался здесь подполковник интендантского ведомства, человек слабо запоминающейся внешности и мягких манер, несколько старше сорока лет на вид, с академическим значком на тужурке.

Говоря немного в нос и как будто даже делая это намеренно, он обращался преимущественно к своему визави - капитану артиллерии, имевшему упрямый выпуклый лоб и жесткие, подстриженные черные усы.

- В Киеве я был в командировке по делам снабжения седьмой армии, и там, представьте вы себе, от многих слышал, что генерал Иванов считает войну уже

окончательно проигранной и будто бы несколько раз докладывал самому государю, что был бы рад, если бы ему удалось защитить Киев, - только Киев, - а все остальное, что на запад от Киева, это, по его мнению, уже обречено и не защитимо!

- Как так не защитимо? - удивился капитан. - Фронт сейчас в трехстах верстах от Киева, это - во-первых, а, во-вторых, любую позицию можно защитить, были бы только снаряды.

- И желание защищаться, - скромно добавил один из двух в купе прапорщиков - белокурый, узкоплечий, слабый на вид, однако с очень располагающей к себе внешностью. Впрочем, он тут же вышел из купе, притворив за собою дверь.

- "Любую позицию" можно защищать только тогда, когда она по-настоящему мощная позиция, - эта поправка необходима, - улыбаясь, обратился непосредственно к артиллеристу поручик инженерных войск, сидевший рядом с интендантом, густобровый, сероглазый, куривший из большой трубки какой-то очень вонючий табак. - Французы, например, вот которую уж неделю защищают Верден, - это позиция мощная, а наш Брест-Литовск не продержался и десяти дней, а Ковно было взято за неделю, даже, кажется, меньше того.

- А кто Ковно защищал, кто? - бурно возразил поручику штабс-ротмистр, кавказец по обличью и по акценту. - Генерал Григорьев, который бежал из гарнизона? Вопрос, сколько он получил с немцев, на суде подымался, а? Не подымался... Присудили только на пятнадцать лет каторги, а надо было повесить! Повесить, как полковника Мясоедова, немецкого шпиона, вот как надо было, а то каторга!

- Тем более что генерал этот уже весьма староват, и пятнадцать лет каторги или один год - для него решительно безразлично, - насмешливо вставил другой прапорщик с лицом бледным, как после долгой болезни, но тем не менее энергичным. Он с трудом выносил табачный дым, с явным неудовольствием смотрел на поручика и непосредственно после сказанного по поводу наказания генерала Григорьева буркнул своему соседу: - Послушайте, черт возьми, что вы такое курите, поручик? Это не шкура ли какого-нибудь скунса, от которого бегут, как известно, даже и леопарды, затыкая носы хвостами?

- Никак нет, это - все-таки табак, - весело отозвался на это поручик, только не отечественный, а немецкий: нашли наши солдаты в отбитом окопе ящик с таким табаком.

- И здесь немец гадит! Уверяю вас, что этот ящик оставлен сознательно, чтобы вас извести медленной пыткой! Это провокация, а не табак, - сказал прапорщик, блеснув карими живыми глазами. - Всякая война вообще довольно обдуманная штука, но так изощряться во всевозможных каверзах, как немцы, это значит уж сделать из войны профессию. Говорил же Бисмарк о румынах, что это не нация, а профессия, однако и немцы - это тоже теперь профессия... необыкновенно опасная для всего человечества в целом, а в первую очередь для нас, способных курить их скунсов и виверр и находить в этом удовольствие.

Инженер-поручик дотянулся рукою с трубкой до окна, выбил из нее табак и примирительным тоном обратился к прапорщику:

- Вы видели, что я сделал? Теперь открывайте мне свой портсигар.

- Откуда вы взяли, что у меня есть портсигар? - несколько удивился прапорщик. - Нет и никогда не было. Табак я все-таки выносил прежде, могу выносить

и теперь, хотя уже пробит пулей (тут он указал пальцем на грудь). Но суть дела всецело в том, защитима или не защитима русская земля, и почему она была защитима прежде, и почему это свойство ее так резко изменилось теперь.

Университетский крестик, хотя и примелькавшийся уже на тужурках прапорщиков, энергичное лицо, свободно льющаяся речь и жесты, ее естественно дополняющие, - все это заставило подполковника-интенданта спросить:

- Простите, вы - юрист? Адвокат, наверное?

- Нет, я - математик, - ответил прапорщик. - И, как математик, я ищу доказательств, чтобы прийти к священной для всех математиков фразе: что и требовалось доказать. Если Иванов заменен Брусиловым, то значит ли это, что хотели сделать лучше?

- Но ведь Брусилов-то как-никак боевой генерал, - ответил на этот вопрос артиллерист, - а какие же боевые подвиги значатся в послужном списке у Иванова? Ведь он - куропаткинец!

- А это разве не подвиг, что он - крестный папаша наследника престола? - подкивнул прапорщик. - Я от кого-то слышал, что сама Александра Федоровна пишет ему иногда по-русски так: "Кресник ваш жилает дедушке всево лушаго". Как же можно было сместить такое близкое к престолу лицо и назначить взамен какого-то вообще генерала Брусилова? Нет, как хотите, а ясности тут решительной никакой, если только этого не потребовали наши союзники.

- Вот именно - они-то и требуют наступления, а Иванов будто бы наступать отказался, - подхватил инженер-поручик, а штабс-ротмистр кавказец, с предупредительной миной на густо загорелом лице, дополнил:

- А между тем, господа, сами немцы все время пишут, что они готовят на нас решительное наступление весной!

- Значит, не только защищаться, а нападать мы должны, поэтому и Брусилов - главнокомандующий, - сказал прапорщик, обращаясь к капитану-артиллеристу. - Но вот вы сказали: "Были бы снаряды", а я в госпитале отстал от событий и не знаю, как у нас со снарядами.

- Снаряды на фронт гонят и гонят, снарядного голода теперь долго не будет, - ответил артиллерист и добавил безразличным тоном: - А вы где были ранены?

- На позициях против села Коссув, - таким же безразличным тоном ответил прапорщик, но капитан подхватил оживленно:

- Коссув?.. Слышал я что-то об этом Коссуве: не то там на позициях много солдат наших замерзло, не то какой-то пехотный полк самовольно оттуда ушел зимой...

- Было, было и то и другое в непосредственной связи, - ответил прапорщик, однако без всякого желания говорить об этом полнее.

- То-то вы и ставите вопрос: защитима или не защитима наша земля, участливо обернулся к нему интендант и вдруг спросил неожиданно для прапорщика: - Ваша фамилия, простите?

- Ливенцев, - ответил тот, и так как интендант переспросил, не разобрав, то пояснил: - Фамилия сия происходит от названия одного города в Орловской губернии - Ливны, о котором принято говорить: "Ливны всем ворах дивны"...

Это почему-то рассмешило всех в купе, даже интендант улыбнулся. А поручик, снова набивая трубку своим невозможным трофейным табаком из вышитого бисером кисета, сказал прапорщику Ливенцеву:

- Слышал я, что от вашей Орловской не отстают и Тверская, а также Витебская. По крайней мере факт будто бы тот, что тверской помещик Офросимов, - он же член Государственного совета, а не кто-нибудь вообще, объединился со своим зятем, тоже помещиком, председателем Витебского земства, и общими усилиями они обработали казну на огромную что-то сумму, так что трудно и сосчитать.

- Выкладываете данные, я сосчитаю, - я математик, - с большим интересом отозвался на это Ливенцев.

- Да ведь вот опять я вам буду мешать своей трубкой, - лукаво покосился на него поручик.

- Ничего уж, как-нибудь вытерплю.

- Да всех обстоятельств дела я и сам не знаю. Получил будто бы этот Офросимов подряд на шитье солдатских сапог, а в Тверской губернии есть такое село - Кимры, где только этим все и занимаются - сапоги шьют - и старики, и ребята, и бабы, - все под итог... Ну вот, значит, Офросимову, как он тверской помещик и член Государственного совета, и кожи в руки.

- Кожи для солдатских сапог? И много? - оживленно, однако не без лукавства, спросил интендант.

- Мне кажется, что-то очень много, так что я даже усомнился: двести тысяч пудов! - вопросительно посмотрел на интенданта поручик, но интендант отозвался, пожав плечами:

- Что же, - большому кораблю большое и плаванье... Я, впрочем, про это дело знаю: интендантство ведь продало Офросимову эти кожи, а не кто другой. Но дело в том, что кожи эти он со своим зятем купил у казны по четыре рубля за пуд и, не успев еще внести за них деньги, которых и не было у обоих компаньонов, - ведь почитай миллион! - перепродал кожи партиями частным поставщикам сапог по двадцать уже рублей за пуд!

- А это уж четыре миллиона! - вставил Ливенцев.

- Вопрос: сколько за пару сапог будут драть с казны эти поставщики? возмущенно заметил кавказец, а капитан кивнул ему выразительно, добавив при этом:

- Охулки на руку не положат, - будьте покойны!.. Мне кажется даже, что депутаты Шингарев и Годнев внесли вопрос об этих кожах в Государственную думу, и я в свое время читал в газетах, что дело об этом подниматься не будет.

- Вот видите, господа, как воруют тверские и витебские! - с загоревшимися глазами обратился Ливенцев непосредственно к артиллеристу. Орловским, конечно, не уступают. Но любопытно бы знать, из каких губерний вышли дельцы артиллерийского ведомства, перед которыми, - если верить слухам, - все эти члены Государственного совета - воры просто мальчишки и щенки!

- А что такое? Какие дельцы артиллерийского ведомства? - обиженным несколько тоном спросил капитан.

- Неужели не знаете? - удивился Ливенцев. - А в тылу ведь говорят об этом без утайки. Я знаю, что снарядов у нас не было уже в начале войны, сейчас же их доставляют, конечно, из запасов наших союзников. Тяжелых орудий у нас тоже было очень мало...

- И сейчас мало, - вставил капитан.

- Вот видите как! А между тем ревизия обнаружила, что не четыре миллиона, а целых два миллиарда прикарманили молодцы из артиллерийского ведомства в

Петрограде!

- Разве два миллиарда? - счел нужным удивиться интендант, хотя тут же добавил: - Я что-то слышал подобное, но не давал веры: мало ли что болтают!

- Какое же "болтают", когда уж и особая комиссия назначена для расследования этого дела, - возразил Ливенцев, - и возглавляет эту комиссию прокурор рижского окружного суда Якоби!

- Я не читал об этом в газетах, - сказал поручик.

- Еще бы - так вот и напечатали это в газете! - вскинулся на него штабс-ротмистр.

- Слухи верные, так как называют и имена, - продолжал Ливенцев. Говорят даже, что великий князь Сергей Михайлович, ведающий артиллерийскими делами, пытается сорвать расследование, науськивает на Якоби известного сенатора Гарина, но дело уж получило большую огласку, хотя и в стороне от газет. Если о законной жене иные знатоки жизни говорят: "Жена - не стакан вина - один не выпьешь", то тем более о двух миллиардах можно сказать, что рассовать их можно было только в очень большое количество карманов... между прочим и в карманчик балерины Кшесинской, которую, как всем известно, содержит сам великий князь. Авось расследование выяснит, кто скопился там, в артиллерийском ведомстве в Петрограде, - не немцы ли?

- Сухомлинов, бывший военный министр, как кажется, не из немцев, однако где он сейчас? - вопросом на вопрос ответил Ливенцеву интендант, но кавказец штабс-ротмистр быстро поддержал прапорщика:

- Если даже и не немец, так что из того? Сам не немец, так зато жена немка или в этом роде! А вы знаете, как приказано относиться у нас к пленным немцам? Наши пленные работают у немцев, как черти, а немцы у нас в плену пальцем о палец не ударят. Кто настоял на этом? Александра Федоровна - вот кто! Потому что ярая немка!

- Я тоже слышал довольно пакостную историю насчет валенок, - сказал капитан, - будто бы немцы прошлым летом закупили у нас и вывезли через Финляндию огромную партию валенок... Спрашивается, кто же им продал их и кто позволил вывезти?

- Даже и хлеб вывозили через ту же Финляндию сотнями тысяч пудов, добавил интендант, - а у нас теперь большие затруднения с доставкой хлеба на Северный фронт и даже в Петроград.

- Вот видите, - и вы кое-что знаете! - подхватил это Ливенцев. Спрашивается, с кем же мы воюем? И там ли мы воюем, где следует? И нет ли в этой смене главнокомандующих Юго-западного фронта какого-нибудь далеко рассчитанного хода, как у заправских шахматистов?

- То есть, какого же именно? - спросил поручик, отрываясь от своей зловонной трубки.

Ливенцев отмахнул от себя дым рукой и ответил неопределенно:

- "Наружность иногда обманчива бывает"... Это из басни. А иногда делают с виду "как можно лучше", только затем, чтобы вышло как можно хуже.

- Кто же так делает? - не понял капитан.

- Кто? Да вот именно те, кто ведает высшей политикой, - сказал Ливенцев. - Те, кто могут безнаказанно рассовать по карманам два миллиарда и оставить фронт без снарядов и пушек; кто производит, тоже безнаказанно, уголовные

махинации с кожей для солдатских сапог и тем самым разувает фронт; те самые, кто продает и валенки и хлеб, чтобы у нас не было ни того, ни другого, а у немцев чтобы непременно было; те самые, при ком нельзя даже и заикнуться о том, что у нас в армии подозрительно много генералов немцев, потому что сейчас же они обзовут это "пошлым немцеедством". А Вильгельм тем временем всячески добивается, чтобы Швеция или сама бы выступила против нас, или хотя бы пропустила его войска через свою территорию, потому что в Берлине уже готов план напасть через Финляндию на Петроград, - так сказать, в самый центр мишени направить удар. О том же, чтобы у нас фронт был везде и всюду, куда ни повернись, об этом Вильгельм и его присные позаботились гораздо раньше, конечно, чем начали против нас войну.

- Так что выходит, по-вашему, что это удивительно даже, как мы почти уж два года воюем, а? - спросил, улыбаясь, поручик. - Однако все-таки вот воюем.

- Разумеется, воюем, что же больше делать? - улыбнулся и Ливенцев. Вопрос только в том, во имя чего воюем... Ничто в природе не пропадает, это закон. Не пропадают зря и все наши усилия и жертвы, конечно. Жертвы эти приносятся на алтарь, только какому богу? Поскольку я - человек любознательный, то мне хотелось бы узнать это заранее, а не тогда, когда меня укокошат и когда я, будучи уже бесплотным духом, стану всеведущ.

- Вы разве верите в это? - удивленно спросил его поручик.

Ливенцев заметил, что не менее удивленно поглядели на него и другие офицеры, поэтому он шире распустил свою улыбку и ответил не столько поручику, сколько всем вообще:

- Вот видите как, - скажешь не на уроке закона божия, а вот так в приватной беседе о бессмертии души, и на тебя смотрят, как на спятившего с ума. А между тем тот же генерал Брусилов, насколько я слышал, усердно занимается на досуге столоверчением, вызывает дух своей покойной жены, задает ему, этому духу, вопросы и будто бы получает ответы. Пусть это, - как бы это сказать помягче? - маленькая и вполне простительная в его почтенные годы слабость, но я бы на его месте этого не делал, - неудобно как-то в двадцатом веке терять время на такие пасьянсы, тем более главнокомандующему целым фронтом!

- Злой, злой у вас язык, прапорщик! - деланно-добродушно заметил интендант, но Ливенцев не согласился с этим.

- Язык обывательский, а не злой. И совсем не таким языком надо бы говорить о том, что творится вокруг нас и что творят с нами. Но если даже и плетью, как известно, обуха не перешибешь, то языком тем более.

В это время другой прапорщик, белокурый и скромный, выходивший из вагона, вошел в купе и сказал:

- Сейчас, господа, подъезжаем к большой станции, где есть буфет.

- Что и требовалось доказать! - весело отозвался ему за всех Ливенцев.

И в купе началось оживление, которое всегда бывает у засидевшихся путешественников, когда им преподносится возможность выйти из вагона, пройтись по перрону, поглазеть туда-сюда по сторонам, съесть тарелку борща, выпить стакан чая.

II

На станции этой пассажирский поезд стоял долго - пропускал поезда товарные: одни - порожняком идущие с фронта, другие - груженные орудиями, боевы-

ми припасами, продовольствием, маршевыми командами - на фронт.

Здесь вообще уже чувствовалась близость фронта, знакомая прапорщику Ливенцеву. Однако, отвыкнув от этой суеты за два месяца, проведенных в тыловом госпитале, он присматривался ко всему кругом с большим любопытством.

Когда его увозили с фронта, стояла еще зима, крутила поземка, поля лежали белые до горизонта, на котором толпились тоже белые холмы; теперь же упруго все дрожало, как туго натянутая струна, весенним подъемом сил. Ощутительно било в глаза это брожение во всем бодрых и бойких весенних соков, но в то же время хотелось думать Ливенцеву, что весна весною, а подъем настроения - сам по себе. Точнее, - счастливое совпадение двух весен - в природе, как и на фронте.

Маршевики в вагонах, уходящих от станции к западу, заливались гармониками - "ливенками", гремели песнями, - и никакого не чувствовалось в этом надрыва, напротив: заливались и гремели от чистого сердца и не спяну: водкой ведь их никто не поил тут на станции. Суета на вокзале, на перроне, на путях была не беспорядочная, а деловая, необходимая суета, не слишком крикливая. Это заметил и белокурый прапорщик, который старался здесь, на вокзале, держаться поближе к Ливенцеву.

У него были свои затаенные мысли, которые он хотел кому-нибудь доверить, но, видимо, боялся, чтобы его не вышутили, поэтому не к кадровым офицерам, а к своему брату-прапорщику он с ними и обратился, застенчиво улыбаясь:

- Вот, знаете ли, смотрю на вас, - вы ведь гораздо старше меня годами и на фронте уж были, - поймите меня, пожалуйста, как надо... очень не хочется умирать!

Сказал и как-то сразу осекся и глядел оробело, но Ливенцев отозвался ему просто:

- Кому же и хочется? Никому не хочется, исключая помешанных на идее самоубийства.

- Вы согласны? - обрадовался застенчивый прапорщик. - Меня это очень угнетает, - сказать откровенно, - но я вот и школу прапорщиков окончил и в полк еду, а как я там буду, не знаю.

- Ничего, втянетесь и будете как все.

- Главное, я ведь совсем не военный по своему складу характера.

- Да уж теперь мало осталось военных по натуре, зато много стало военных по приказанию.

- Вот именно, именно! И я такой... И я думаю, что меня в первом же сражении убьют.

- Могут убить и до первого сражения, - усмехнулся Ливенцев. Перестрелки ведь на фронте всегда бывают, и сражениями они не считаются... Там все гораздо проще, чем представляется издали. Неприятельская пуля летит по своей траектории; на ее пути оказались вы, - ясно, что она в вас и вопьется.

- Так было и с вами тоже?

- Совершенно так было и со мной. А что касается подвига, то никакого особенного подвига я не совершил и сейчас тоже не думаю, что совершу.

- Не думаете, что совершите, или не хотите думать о подвиге?

На этот неожиданно витиеватый вопрос Ливенцев ответил намеренно витиевато:

- Даже и подвиг, как все в нашей жизни, требует, чтобы его оценили и занесли в соответствующую графу, а если нет поблизости этого оценщика, то, стало быть, нет и подвига. Простое же выполнение воинских обязанностей за подвиг считать не принято.

Так как на очень внимательном худощавом лице собеседника начинал просвечивать какой-то новый, наивный, однако трудный для решения вопрос, то, чтобы предупредить его, Ливенцев добавил:

- Кстати, моя фамилия - Ливенцев, а ваша?

- Обидин... Прапорщик Обидин, - торопливо ответил белокурый.

- А в какой же, между прочим, полк вы назначены, прапорщик Обидин? спросил Ливенцев, так как на защитного цвета погоне Обидина была только звездочка, но не было никаких цифр.

И Обидин назвал как раз тот самый полк, в который был назначен и Ливенцев.

- Вот ка-ак! - удивленно протянул он. - Так мы с вами, не желающие умирать, однополчане, значит? Такие-то бывают счастливые совпадения субстанций!

Но если Ливенцев несколько удивился, то Обидин непритворно обрадовался такому совпадению и весь так и лучился изнутри, когда говорил не совсем складно:

- Это замечательно, послушайте! Это прямо, я даже не понимаю, как... Ведь вас, конечно, ротным командиром назначат... Возьмите меня к себе в полуротные! Ей-богу, право, возьмите!

- погодите просить, что вы! Вам тоже роту дадут, - за этим дело не станет.

- Ну куда же мне так вот сразу и роту, что вы! - отмахнулся обеими руками Обидин. - Да я и командовать не сумею. Там каждый рядовой больше знает, чем я, только что из школы, а уж об унтерах и говорить нечего!

- Вот унтера и фельдфебель вас и обучат фронтовой мудрости... А что это такое там, позвольте-ка? Поглядите-ка сюда!

Внимание Ливенцева привлекло стадо волов, которое показалось невдалеке от станции, когда двинулся поезд с орудиями, прикрытыми брезентом.

- Что там такое? Волы? - спросил Обидин.

- Волы-то волы, да в каком виде! По ним можно, не снимая с них шкур, изучать скелет! Посмотрите, - они просто падают один на другого!

- Это для фронта?

- Разумеется, для фронта, но куда же они годятся? Да они и не дойдут до фронта, подохнут дорогой!

Как раз в это время подошел к ним интендант, доставший в буфете что-то, завернутое в газету, и подхватил последние слова Ливенцева.

- Вы бы спросили, сколько подыхает от бескормицы вообще в этих "гуртах скота", я бы вам сказал довольно точно. В среднем из трех два, - это какой процент будет?

- Шестьдесят шесть! Неужели все-таки шестьдесят шесть процентов, и вы, интенданты, это терпите? - возмутился Ливенцев.

Но интендант ответил довольно невозмутимо:

- Не мы, не мы - на нас прошу не валить! Мы это гиблое дело передали уполномоченным министерства земледелия, и теперь уж они этим ведают, а мы в стороне. Вы себе представить не можете, сколько скотов оказывается у нас, чуть